

Смолякова М.С. «Я в дверях Вечности стою...» (Тема смерти в лирике Г.Р.Державина) // Проблемы славянской культуры и цивилизации. Материалы VIII международной научно-методической конференции. - Уссурийск, 2006. С.224-227.

Смолякова М.С. (Могилев)

«Я В ДВЕРЯХ ВЕЧНОСТИ СТОЮ...» (ТЕМА СМЕРТИ В ЛИРИКЕ Г.Р.ДЕРЖАВИНА)

Определяя место Г.Р.Державина в русской поэзии, В. Г. Белинский соотнес его творчество с тем моментом развития русской поэзии XVIII в., когда ломоносовско-сумароковская поэтической школа, основанная на регламентированности и нормативности, начала себя изживать. «Державин был первым живым глаголом юной поэзии русской»; «С Державина начинается новый период русской поэзии, и как Ломоносов был первым ее именем, так Державин был вторым. Державин - чисто художническая натура, поэт по призванию; произведения его преисполнены элементов поэзии как искусства» [1.Т.7.С.117;280]. Это суждение Белинского до сих пор остается основополагающим в оценке творческого наследия Державина. «Благодаря индивидуальности поэтического стиля и универсальности эстетических основ, заложенных в его поэзии, Державин представляется чистым лириком, который, наконец, избавил русскую поэзию от «посторонних социально-нравственных заданий» и превратил «лирику в самоцель», - отмечает современный исследователь [2. С.284].

Действительно, Державин не создал своей литературной школы, как это сделали Ломоносов и Сумароков. Его поэтический стиль навсегда остался уникальным явлением в русской поэзии. Но в этой уникальности, этой «своеобразности» обнаружились такие общезначимые и вневременные особенности, без которых уже невозможно было обойтись всей русской поэзии в целом. Одна из них – стихотворство как форма философствования, постановка и анализ метафизических проблем в поэзии.

Большинство стихотворений Державина позволяет судить о нем как поэте, у которого жанровые, композиционные и художественные принципы произведений подчинялись главной мысли, определялись идейно-содержательными особенностями. Поэтому следовало бы уточнить, что Державин «благословил» не только А.С.Пушкина, но и всю ту линию русской поэзии, которую принято называть философской.

Державин не был оригинальным мыслителем, он не создал философской системы и не склонялся к определенным философским концепциям. Но в его литературных произведениях воплотились собственные представления о мире, о человеке, о Боге. Философские взгляды Державина формировались не вследствие теоретических размышлений, а как результат его поэтической практики, специфического поэтического видения. Поэтому вечные, глобальные

вопросы жизни и смерти решались им как сугубо личные. Это демонстрирует уже раннее стихотворение «На смерть князя Мещерского», в котором автор поднял метафизическую тему всеобщей смерти

Эпоха Державина – это вторая половина XVIII в., когда в России обозначились признаки разложения крепостнической системы не только в экономике и политике страны, но и в повседневной жизни и сознании людей его поколения. С одной стороны, они испытывали «безоглядную жажду материальных благ и чувственных удовольствий», с другой, – тягу к европейской культуре, в которой в то время господствовали идеи Просвещения. Рационализм и механистический материализм, эти «неизбежные спутники атеистического полупросвещения» [3.С.3-4], если и не отрицали, то ставили под сомнение Божественное единоначалие мироздания, и, следовательно, само существование Бога. «Важнейшим, определяющим моментом такого мироздания становилась не просто утрата веры в Бога, но полная утрата веры в какие бы то ни было общезначимые абсолюты...кроме Смерти» – подчеркивает Ю.Н.Давыдов [4.С.27]. Действительно, в душах наиболее вдумчивых современников Державина поселился ужас перед смертью, перед конечностью своего пребывания на земле. Светлейший князь Тавриды Г.Потемкин, “сын роскоши, прохлад и неги”, постоянно переходил от удалого разгула к взрывам глубокой, неизъяснимой тоски и тяжелого сплина. Порой “отуманивалось” “веселонравие” даже самой Екатерины II. Певца Фелицы, любителя “забавного русского слова”, “правды в шутках” и “истины с улыбкой” Державина тоже периодически охватывал ужас смерти, непонятной стихийной силы, при одной мысли о которой “цепенеет кровь и дух мятется”.

Тема смерти была широко распространена и в поэзии того времени. Скорбно и истово писал о смерти А.П.Сумароков: «Пришел ко мне тот час, / Который преселяет нас / Во мрачну бесконечность. / Отверста моему смятенну духу вечность: / Погаснут данные мне искры божества...» [5.С.83]. Проникновенно грустил о власти времени М.Н.Муравьев: «Едва родимся мы, уж стонем / И прежде в бедствиях потонем, / Чем будем помнить мы себя; / А время, невозвратно время, / Бежит и косит смертно племя...» [6.С.121]. Тем самым, Державин не был первым, кто стал задумываться о неизбежности трагического конца всякого живого существа. Но именно его ода «На смерть князя Мещерского» стала одним из самых значительных образцов собственно поэтического философствования.

Ее появление было связано с конкретным событием: смертью его эпикурейски жизнелюбивого друга князя Мещерского. Причем в 1808 г. Державин написал к своим стихам «Объяснения», где счел нужным сообщить точно чин князя Мещерского и указать на его привычки: «Действительный тайный советник, главный судья таможенной канцелярии. ...Был большой хлебосол и жил весьма роскошно» [7.С.443]. Здесь же Державин поясняет, что Перфильев, к которому он обращается в стихотворении, был «генерал-майором, хорошим другом князя Мещерского, с которым всякий день были вместе» [7.С.443]. Но в стихотворении Державин оплакивал не действительного тайного

советника, а полнокровно и радостно жившего человека, хорошо ему знакомого, и вместе с ним – человеческую участь, неизбежную смерть. Конкретный факт стал для Державина поводом к размышлению о вечной проблеме конечности бытия.

Образ смерти, который рисовал Державин в стихотворении «На смерть Мещерского», имел не отвлеченный, а чувственно-осязаемый смысл. Подобно народным сказкам, он представлялся поэту злой бабой с железной косой. Более того, автор стихотворения заставляет ее совершать человеческие действия: «приходит смерть к нему, как тать»; «скрежещет зубами»; «точит лезвие косы». Создавая ее образ, Державин использовал цветные, зримые, эпитеты: «...и бледна смерть на всех глядит». Смерть, таким образом, превращалась под пером Державина как бы в «одушевленное» существо.

В то же время на основе конкретного явления, ухода из жизни друга, поэт строил свои философские обобщения. Этому были подчинены знаменитые державинские сопоставления несоединимых явлений. Все стихотворение построено на параллелизме. Всесилие смерти противопоставляется хрупкости жизни. Звезды, солнца, роскошь, царства, цари и рабы, возвышенный разум и дерзновенные силы, красота, радость, надежды, слава – все подвластно «бледной смерти». Жизнь и смерть Державин соединяет в слышимом эпитете – тиканья и боя часов: «Глагол времен! Металла звон! / Твой страшный глас меня смущает; / Зовет меня, зовет твой стон, / Зовет – и к гробу приближает». Это ход времени. Время соединяет несоединимое, и в самой жизни оказывается сокрытой смерть: «Едва часы протечь успели, / Хаоса в бездну улетели, / И весь, как сон, прошел твой век».

Чтобы подчеркнуть абсолютную власть смерти, Державин вводит космические образы. В оде эта традиция шла от Ломоносова. Но у Державина космические образы иллюстрируют не величие царей, а мрачную идею отнюдь не свойственную оптимисту Ломоносову: «Без жалости все смерть разит. / И звезды ею сокрушатся, / И солнца ею потушатся, / И всем мирам она грозит». С этой же целью Державин сталкивает резко противоположные понятия, добиваясь полной наглядности сказанного (прием контрастности): «монарх и узник – снесь червей»; «сегодня бог, а завтра прах»; «где стол был яств, там гроб стоит». Все эти чеканные афоризмы подчеркивают центральную антитезу стихотворения: «жизнь — смерть», части которой, как будто бы противоположные по смыслу (вечность — бессмертие, жизнь — небытие, конец), оказываются уподоблены друг другу в ходе развития поэтической мысли Державина: «Не мнит лишь смертный умирать / И быть себя он вечным чаем» — «Подите счастья прочь возможны, / Вы все прременны здесь и ложны: / Я в дверях вечности стою».

Общий тон стихотворения пессимистичен: «Без жалости все смерть разит». Державин не находит ничего неподвластного тлену и смерти. А раз так, то зачем жить? Жить, чтобы бояться смерти? На такие вопросы наталкивает Державин. В них уже предугадываются экзистенциальные рассуждения об абсурдности бытия, появившиеся в русской литературе XIX в. Но у Державина все эти вопросы разрешаются удивительно легко, простым житейским советом:

если смерть неизбежна, то «Почто ж терзаться и скорбеть? / Жизнь есть небес мгновенный дар, / Устрой ее себе к покою и с чистою твоей душою / Благословляй судеб удар».

Стихотворение «Водопад» тоже написано по конкретному поводу, на смерть Г.А.Потемкина, государственного деятеля, полководца-фельдмаршала, фаворита императрицы. Однако Державин отрывается от конкретики и реальных лиц, портреты которых появляются в произведении (Потемкина и идеального, с точки зрения Державина, вельможи П.А.Румянцева). Это достигается за счет ставшего уже традиционным в его поэзии приема параллелизма. В «Водопаде» человеческие судьбы сопоставляются и сравниваются с природными явлениями.

Начинается стихотворение описанием водопада Кивач на реке Суна. Поэт восхищен его величием и красотой. Он сравнивает водопад с алмазной горой, брызги воды - с бездной жемчуга и серебра. Природное явление рисуется Державиным с помощью вполне традиционных сравнений. Но благодаря этим сравнениям появляется величественная картина природы, которая завершается неожиданным обобщением: «О водопад! В твоём жерле / Все утопает в бездне, в мгле!». В «Стихотворении на смерть князя Мещерского» с бездной и мглой сравнивалась смерть. В «Водопаде» образ конкретного природного явления превращается в обобщенно-символический образ смертоносной, все пожирающей на своем пути силы. Державин далее описывает гибель всего, что попадает в «бездну» водопада, водоворота реки: сосны ломаются в куски, камни превращаются в песок, разбиваются льды. Так строится образ вечности. Однако Державин не употребляет понятие «вечность». Здесь он использует слово «природа», которая, с его точки зрения, имела три атрибута – пространство, вечность, движение (ода «Бог»). Красу природы в «Водопаде» Державин называет «страшной», поскольку она означает страшную вечность. Перед природой, вечностью, отступает все, и все превращается в тлен и прах. И снова Державин заменяет отвлеченные понятия и явления конкретными образами. Например, «волк, рожденный на кровавый бой, воеет, согласясь с тобой». То есть воинская сила и воинское тщеславие слабеют перед лицом вечности. Лань (добродетель) и ретивый конь (мудрость) «страшатся свиста бурь». Далее появляется образ «седого мужа», склонившегося на руку главой, погруженного в глубокую думу – «не жизнь ли человек нам сей водопад изображает?»

От мира природных стихий Державин переходит к миру человеческих страстей. Седой муж – это Румянцев. Его появление в стихотворении не случайно. Судьба Румянцева показательна и символична. Блистательный вельможа, полководец, он оказался ненужным своему Отечеству, его отстранили от двора, о нем «забыли». Именно ему Державин доверяет собственные мысли о скоротечности всего существующего и кажущегося вечным: страстей, царств, царей, честолюбивых замыслов и надежд: «...Падут! – И не мечты прельщали, / Когда меня, в цветущий век, / Давно ли города встречали, / Как в лаврах я, в оливах тек? / Давно ль? – Но ах! Теперь во брани /

Мои не мещут молний длани! / Ослабли силы, буря вдруг / Копье из рук моих схватила; / Хотя и бодр еще мой дух, / Судьба побед меня лишила...»

Вводя образ реального исторического лица, Румянцева, Державин не объясняет причины скоротечности его славы политическими условиями. Поэт играет на двойных значениях слов: буря – гнев императрицы. Но это лишь намек на политику. Державин же усматривает в судьбе Румянцева результат «игралища судеб», власти смерти, старости и вечности.

Старец засыпает, и во сне ему видятся все победы его жизни, геройские мечты, слава, звуки фанфар. Но вдруг спящему является «крылата некая жена». И, проснувшись, седой муж очень просто и спокойно говорит, разгадав свой сон: «Знать, умер некий вождь!». Говорит об этом как о явлении естественном и обычном, не удивительном и даже не трагичном. Кто умер? – Потемкин. И Державин переходит к размышлениям о его судьбе. Она тоже оказалась символичной. Завоеватель юга, создатель Черноморского флота, гетман казацких екатерининских и черноморских войск, покровитель писателей и поэтов, обласканный славой и Екатериной, Потемкин, этот прославленный князь Тавриды, умер в степи, под открытым небом, по дороге из Ясс в Николаев. Тело его покрыли не дорогой порфирой, а простой дерюгой. И вот Потемкин «...Лежит на темном лоне ноши, / Простое рубище чресла, / Два лепта покрывают очи, / Прижаты к хладной груди персты, / Уста безмолвствуют отверсты!». Теперь простой червь ползает вокруг его главы. И Державин задает вопрос: «...И плоть, и труд коль истлевают, что ж нашу славу составляет?» Оказывается, что «не лучше ль менее известным, и более полезным быть?»

И снова появляется образ водопада. Но это уже не описание природного явления. Державин сравнивает с водопадами сильных мира сего. В характерной для себя манере утверждать положительный социальный идеал Державин переходит от философских размышлений к политическим обобщениям: нетленным в земной жизни является только благодарная память потомков.

Без оды «Бог» картина философской лирики Державина, безусловно, является неполной. В ней всего 110 строк, тогда как в «Фелице» – 240, а «Водопаде» – 444. Без свойственной автору экстенсивности формы ему удалось в этом наибольшем произведении выразить свои представления об онтологических и гносеологических проблемах.

Б.Эйхенбаум отмечал, что ода «Бог» – это произведение не свойственное для творческой индивидуальности Державина, т.к., создавая ее, «он отдал дань рационалистической отвлеченности XVIII в.» [8.С.24]. Действительно, ода «Бог» отличается от всех других произведений поэта, воспевающих конкретные проявления жизни. Однако следует учесть еще и другое замечание. Оно принадлежит Вл. Ходасевичу: создание оды «Бог» явилось «внутренней потребностью Державина, человека, верующего, но живущего в век, отринувший Бога» [9.С.256].

Далеко не всякий богослов, далеко не всякий философ и уж тем более не всякий поэт мог рискнуть взяться за такую тему. А вот этот служивый человек, чиновник при Екатерине, написал о Боге так, как, пожалуй, никто из поэтов

потом не сумел написать. Безусловно, в этом произведении соединилось все: и личная тоска по Отцу, и желание веры, и сознание человеческой уязвимости, и, конечно, философские умонастроения эпохи. Нет здесь только одного – трагедии неверия.

Представления Державина о Боге-творце, как начале всех начал, было связано как с библейским мифом о творении мира и библейскими псалмами, так и натурфилософскими представлениями о том, что Бог совмещает в себе бесконечное пространство, вечность времени, движение вещества. Время, пространство и движение – это атрибуты и Бога, и природы. Поэтому познание природы приближает к непознаваемому Богу. И в то же время столь сложная гносеология раскрывается обычными для Державина конкретными образами и предметно-чувственными эпитетами: «Ты цепь существ в себе вмещаешь, / Ее содержишь и живишь; / Конец с началом сопрягаешь / И смертью живот даришь. / Как искры сыплются, стремятся, / Так солнца от тебя роятся, / Как в мрачный, ясный день зимой / Пылинки инея сверкают, / Вертятся, зыблются, сияют, / Так звезды в безднах под тобой».

В историко-культурных условиях, когда русская литература решала возрожденческие вопросы, Державин закономерно обратился к загадке о человеке, которую он решает по-возрожденчески: «Я связь миров, повсюду сущих, / Я крайняя степень вещества, / Я средоточие живущих, / Черта начальна Божества». Но в то же время он отмечает двойственную природу человека. Подчеркивая величие человека, человеческого разума («умом громам повелеваю»), Державин говорит о том, что человек – песчинка мироздания, зависящая от природных стихий. Он трактует двойственность человека тоже по-возрожденчески: человек ничтожен телом, которое «в прахе истлевает», но человек велик духом. Тело – бренно, а дух бессмертен. Именно так следует понимать знаменитое державинское «я царь – я раб, я червь – я бог!» Но чем же велик человеческий дух? Здесь Державин поднимает еще одну глобальную проблему, над которой будут биться самые блестящие умы: взаимоотношение Бога и человека, или, как она будет называться в XIX в., атеизма.

Поэт Возрождения сказал бы, что человек равен Богу. И хотя некоторые исследователи именно эту мысль усматривали в оде «Бог» (Г.П.Макогоненко), Державин нигде о равенстве Бога и человека не говорит. Он рассматривает существование Бога и существование человека как две неразрывные стороны бытия: «я есмь – конечно, есть и Ты!» И смысл человеческому существованию придает только Бог и бессмертные души: «Твоей то правде нужно было, / Чтоб смертну бездну прехладило / Мое бессмертно бытие, / Чтоб дух мой в смертность облачился / И чтоб чрез смерть я возродился, / Отец! – в бессмертие Твое». И такие строчки могли появиться только из сверхразумных и сверхчувственных интуиций.

Есть у Державина еще одно произведение, посвященное библейской проблематике. Это не печатавшаяся сто двадцать лет малоизвестная ода «Христос». Написанная почти перед смертью автора, она уже не носила того космического характера, как ода «Бог»; она была связана с тайной человеческой души. Вот уж поистине квинтэссенция библейской

интерпретации! Конец не космичен, конец интимен. Поэт обращается к Христу, Который извлек человека из первородного падения: «Христос—нас Искупитель всех / От первородного паденья. / Он — Свет, тьмой неотъемлем ввек; / Но тмится внутрь сердец неверья, / Светясь на лоне у Отца. / Христа нашедши, все находим, / Эдем свой за собою водим, / И храм Его — святы сердца». И поэту уже не нужны ни внешние впечатления, ни краски, ни звуки окружающего мира. Личное чувство стало главным и всеохватным. Христу молился уже не поэт, не министр юстиции, не тайный советник, не статс-секретарь, а просто раб Божий Гавриил. «Пролей Свои, Христе! красы / На дух, на сердце и на нравы, / И жить во мне не преставай; / А ежели и уклонюся / С очей Твоих, и затемнюся, / В слезах моих вновь воссияй! / Услышь меня, о Бог любви! / Отец щедрот и милосердья! / Не презрь преклоншейся главы, / И сердца грешна дерзновенья / Мне моего не ставь в вину, / Что изъяснить Тебя я тщился, — / У ног Твоих коль умилился / Ты, зря с мастикою жену».

Державин, ожидающий скорого конца, вспоминает евангельский рассказ о том, как Христос пришел в дом фарисея, и одна грешная женщина, упав к ногам Христа, в знак покаяния полила их драгоценными благовониями. Державин тоже принес свою покаянную мастику. Холодеющей рукой он стал писать свое последнее стихотворение, и оно в чем-то даже пронизательнее, чем надежда великого Пушкина, который писал: «весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживет...» Старый Державин понимал, что не переживет. И на аспидной доске он написал последние строки: «Река времен в своем стремленьи / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей. / А если что и остается / Чрез звуки лиры и трубы, / То вечности жерлом пожрется / И общей не уйдет судьбы!»

И тут стило падает из его рук, и, когда приходят к нему утром, находят эту запись. Державин умер. Свеча еще горит. Эти восемь строчек нашли после смерти Гавриилы Державина на аспидной доске, которую он обычно использовал как черновик. Возможно, они были началом большой оды, которую задумал поэт. Но и сами по себе эти стихи вполне закончены. За три дня до собственной кончины Державин пишет о конце мира, когда «времени уже не будет», как говорит Ангел в Апокалипсисе, когда «и смерть и ад повержены в озеро огненное».

В последних стихах Державин отказывает себе в историческом бессмертии, о котором гордо заявлял всю жизнь. На пороге иного бытия он думает о личном бессмертии - в Боге. Вл.Ходасевич, который написал о нем лучшую биографическую книгу, тонко заметил: «Первым словом маленького ребенка Гавриилы Державина было слово «Бог» и последним словом было тоже «Бог». Но он успел написать только о бренности преходящего, подражая великому библейскому автору Экклезиасту, а когда этой бренности хотел противопоставить небесный свет, то уже не смог» 9.С.]. Тот, кто видел лик Божий, должен умереть, — говорит Священное Писание. Только великие праведники, великие провидцы, великие мудрецы достигают такого мгновения — и уходят в это мгновение. Последний великий писатель России XVIII в., уже вступивший в XIX в., приветствовавший

великого Пушкина, знавший Карамзина и всех, кто начинал эту литературу, был таким мудрецом, таким праведником. Он переложил на новый русский поэтический язык священные слова древней книги и так переложил, что по прошествии двухсот лет они продолжают жить и волновать нас сегодня.

Примечания

1. Белинский В. Г. Поли. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 7.
2. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века - М., 2001.
3. Сахаров В.И. Массонство, литература и эзотерическая традиция в век Просвещения // Массонство и русская литература XVIII - начала XIX вв. - М., 2000.
4. Давыдов Ю. Этика любви и метафизика своеволия. – М., 1989.
5. Сумароков А.П. Избранные произведения. (Б-ка поэта, большая серия), - Л., 1957.
6. Муравьев М.Н. Стихотворения (Б-ка поэта, большая серия), - Л., 1967.
7. Державин Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я.К.Грота: В 9 т. СПб., 1864-1883. Т.6.
8. Эйхенбаум Б. Державин // Сквозь литературу. – М., 1924.
9. Ходасевич Вл. Державин – М., 1987.